

ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ТРЕЩУНОВА

ЧЕРНЫЕ ВОЛКИ,
ИЛИ
ВАЖНЯК ПОД ПРИЦЕЛОМ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Черные волки, или

Важняк под прицелом

Серия «Возвращение Турецкого»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169365

*Черные волки, или Важняк под прицелом: АСТ, АСТ Москва, Олимп;
Москва; 2008*

ISBN 978-5-17-047913-9, 978-5-9713-8267-6, 978-5-7390-2133-5

Аннотация

Александр Борисович Турецкий и его коллеги расследуют дело о покушении на генерала Свентицкого. Круг подозреваемых сужается. Одновременно в Москве происходит череда страшных убийств, которые имеют все признаки ритуальных. Судьба сводит Турецкого с таинственными людьми, которые называют себя «черными волками». Вступив с ними в контакт, Турецкий оказывается заложником ситуации, и теперь опасность угрожает членам его собственной семьи.

Идя по следу «черных волков», сыщики все ближе продвигаются к разгадке тайны покушений на генерала Свентицкого...

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	16
3	20
4	28
5	35
6	39
Часть вторая	43
1	43
2	58
3	72
4	77
5	82
6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Фридрих Незнанский

Черные волки, или Важняк под прицелом

Часть первая «Черные волки»

1

Апрель, 2004 г.

Собрание проходило в квартире Антона Борового. Помимо Борового в комнате присутствовали пять членов бригады и еще один незнакомец, которого Боровой пообещал представить позже, «когда начнем обсуждение». Когда парни заняли свои места, Антон Боровой, худощавый, с коротко стриженными волосами и глубоко посаженными глазами, встал со стула и поднял ладонь.

– Так, пацаны, пора начинать, – спокойно и веско произнес он. – Все заткнулись. Я сказал – кончай базлать!

Повинуясь приказу Борового, парни притихли. Боровой удовлетворенно кивнул. Затем повернулся к румяному тол-

стяку, сидящему в кресле. Показал на него рукой и объявил:
– Этого человека зовут Апостол. Все слышали или повторить?

– Апостол? Че за погоняло такое? – поинтересовался парень по кличке Мельник.

– Погоняло как погоняло. Я его так зову. И вы будете звать его так же.

– Боров, если позволишь, я скажу пару слов? – обратился к Боровому румяный незнакомец.

– Да, Апостол. Давай.

Боровой сел на стул, а Апостол поднялся с кресла, обвел присутствующих приветливым взглядом и широко улыбнулся, обнажив крупные, белые и удивительно ровные зубы.

– Парни, – начал он, – я знаю, чем вы занимались последний год. Знаю о том, какого жару вы задали черномазым. Знаю о том негре, которого отметили осенью. О том, как вы гоняли хачей по рынку.

– Тебя с нами вроде не было, – сказал кто-то из парней.

– Штырь, кончай базлатъ! – прикрикнул на него Боровой.

Однако Апостол сделал мягкий, успокаивающий жест рукой и сказал:

– Не надо, Боров. Он ведь сказал правду. Штырь, если не ошибаюсь? Так вот, Штырь, я бы с удовольствием взял железный прут и пошел с вами громить прилавки. Но, к сожалению, я не могу этого сделать.

– И почему, интересно? – прищурился Штырь. Апостол

улыбнулся ему чистой, дружелюбной улыбкой, затем слегка наклонился, взялся руками за брючины и приподнял их. Из-под брючин выглянули пластиковые основания протезов.

– У меня нет ног, – просто сказал Апостол, продолжая улыбаться. – Пять лет назад один черномазый на грузовике сбил меня, когда я стоял на остановке. Теперь хожу на протезах.

– Извини, – смутился Штырь.

– Ничего, ты же не знал. Итак, на чем мы остановились? Ах, да. Я сказал, что слышал о ваших подвигах. – Апостол усмехнулся. – Развлеклись вы хорошо, ничего не скажешь. Но, если вдуматься, все это мелочи. Детские игрушки.

Парни недовольно загудели.

– Боров, че он говорит? – возмущенно спросил Мельник. – Типа мы все тут лохи, а он герой труда?

– Да, Боров, проясни. Че за фуффло он тут толкает?

– Тише, пацаны, – осадил парней Боровой. – Дослушайте до конца, потом уже бузу поднимайте.

Гул утих.

– Вот и хорошо, – с улыбкой сказал Апостол. – Теперь я продолжу. Все, чем вы занимались до сих пор, – детские игрушки. У вас еще нет ни сил, ни решительности, ни ума.

– Сил у нас и сейчас хватает! – возразил кто-то.

– Ну да, – насмешливо произнес Апостол. – Для того чтобы дать под зад какому-нибудь хачику или индусу. Вам не кажется, что это как-то... – Он пожал плечами. – ...Мелко?

– Что же тогда нужно делать? – угрюмо спросил Штырь. – Пусть черные ходят по нашим улицам и трахают наших женщин? Пусть они держат казино и катаются по улицам на «мерсах» и «бентли»? А русские будут жить на помойках и жрать дерьмо? Так, что ли?

– Нет, не так, – серьезно ответил Апостол. – Черные не будут ходить по нашей земле. Но мы не можем бороться одни. Нужно поднять на борьбу всех русских людей. Каждого, ясно? Чтобы каждый понял! Нам нужны массовые акции. Но для них у нас пока мало сил.

Апостол обвел присутствующих мягким, лучистым взглядом (глаза у него были васильковые, чистые и безмятежные) и продолжил свой монолог:

– До сих пор вы были обычной уличной шпаной. Драки, вопли, шествия по улице в черных куртках – это все подростковые игры. Пора заняться взрослым делом.

– Слышь, Апостол, – заговорил вдруг высокий черноволосый парень, сидевший в углу комнаты, – а сколько тебе лет?

Апостол прищурил на вопрошающего васильковые глаза.

– Сергей, если не ошибаюсь, – улыбнулся он черноволосому. – Сергей Кержнер?

– Да, я Кержнер. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Прости. Мне двадцать три года.

– А мне двадцать два, – сказал черноволосый. – Ты старше меня всего на год.

– И что?

– А уже учишь нас играть во «взрослые игры».

– Серый, – окликнул черноволосого Антон Боровой, – может, ты заткнешься и дослушаешь?

– Подожди, Боров, я отвечу, – спокойно произнес Апостол. – Дело тут вовсе не в возрасте. Я уверен, что и вам приходило в голову все, о чем я тут говорю. Но вам трудно оценить ситуацию объективно. В отличие от вас, я способен взглянуть на нее сторонним взглядом. Повторяю: я не китайский мудрец и не считаю себя умнее вас. Просто, пока вы громили ларьки с овощами, у меня была возможность взглянуть на это со стороны. Обдумать, взвесить все «за» и «против». А сейчас я просто делюсь с вами мыслями, которые пришли мне в голову. Я ответил на твой вопрос, Сергей?

Черноволосый парень пожал плечами:

– Будем считать, что да.

Апостол обвел присутствующих насмешливым взглядом:

– Может, еще кто-нибудь хочет о чем-нибудь спросить?

– Ты сказал, что тебя сбил черномазый на грузовике, – подал голос Мельник. – Его посадили?

Апостол взглянул на Мельника и чеканно произнес:

– Нет, его не посадили.

– Значит, этот ублюдок остался безнаказанным?

Апостол усмехнулся:

– Опять не угадал.

– Так где он теперь?

– Его больше нет, – сказал Апостол. И, помолчав секунду,

добавил: – Он умер.

– А от чего?

Апостол улыбнулся и ответил:

– Я его убил.

Парни раскрыли рты.

– У... убил? – переспросил пораженный Мельник.

Апостол кивнул:

– Да. Подкараулил в подъезде и задушил. – Он поднял перед собой растопыренные ладони. – Вот этими руками. Вырвал черномазому кадык.

Мельник сглотнул слюну и обернулся к товарищам. Те по-прежнему молчали, удивленно и восхищенно разглядывая Апостола. Трудно было поверить, чтобы этот розовощекий, улыбочивый и пухлый парень, похожий на перезревшего младенца, смог убить человека голыми руками. Однако, судя по всему, Апостол не шутил.

– Итак, я подошел к главному, – как ни в чем не бывало продолжил Апостол. – Мы с вами перестанем тусоваться с уличными хулиганами, перестанем тратить силы и средства на бессмысленные выходки. Отныне мы станем слаженной боевой организацией со своим уставом и со своей программой действий. Как вы на это смотрите, парни?

– Отличная идея, – сказал Мельник.

– Да, это нам подходит, – поддержал товарища Штырь.

– Ты сказал, что мы будем заниматься «взрослыми делами», – раздался из угла недоверчивый голос Кержнера.

Апостол прищурился.

– Да, Сергей, я так сказал.

– А что это будут за дела?

– Пока я не могу сказать конкретно. Поле для действий широкое. Мы с вами – ядро будущей армии. Мы положим начало массовому движению. Сейчас нас немного, но в будущем к нам присоединятся сотни и тысячи сторонников. Когда-нибудь вся власть в стране будет в наших руках.

– Что-то не верится, – протянул Кержнер.

– И зря. Все партии начинались так. КПСС, фашисты. То же будет и с нами. Но для того чтобы все получилось так, как мы хотим, нам нужно... Ну, кто скажет – что нам нужно?

– Мочить черных, – предположил один из парней. Боровой сверкнул в сторону тупицы глазами, а Апостол мягко улыбнулся и сказал:

– Нет, «мочить» просто так мы никого не будем. Все наши акции должны нести смысловую нагрузку.

– Чего?

– Преследовать четкую и продуманную цель, – объяснил Апостол. – Мы должны действовать грамотно. И главное... Кто скажет, что для нас главное?

– Не выеживаться и сидеть тихо, – сказал Антон Боровой.

Апостол посмотрел на него, улыбнулся, затем снова повернулся к публике и сказал:

– Боров прав. Главное для нас сейчас – конспирация. Посмотрите друг на друга.

Парни завертели головами.

– Ну и что?

– И чего мы должны увидеть? Апостол насмешливо усмехнулся.

– Посмотрите на ваши лысые головы, черные куртки, черные ботинки. К чему весь этот маскарад? Чтобы привлечь внимание ментов?

– Мы всегда так одевались.

– Нормальный прикид.

– А как надо?

– Вот правильный вопрос, – сказал Апостол и поднял пухлый палец. – Чтобы сделать все, что мы задумали, мы не должны отличаться от простых обывателей.

– Но почему?

– Потому что мы не должны тратить силы на пустяки. Мы должны копить их для настоящей акции. Набить хлеба-ло чурке – дело нехитрое. И, в принципе, совершенно бесполезное. Чурка утрет кровавые сопли и снова вернется на рынок. И все закрутится по-прежнему. Это как если бы вы жили в разрушающемся доме и, вместо того чтобы выстроить новые стены, десять раз в году переклеивали бы обои. Ну, какой от этого прок?

– Никакого, – ответил за всех Мельник, не отрывающий от Апостола восхищенного взгляда.

– Правильно, никакого, – улыбнулся тот. – С сегодняшнего дня мы будем тщательно готовиться к каждой акции. Мы

будем заниматься только *серьезными делами*. И соблюдать конспирацию. Мы будем волками, которые напялили на себя овечьи шкуры, чтобы пробраться в стадо незамеченными. Боров, – повернулся Апостол к Антону Боровому, – ты продолжишь?

– Да.

Апостол кивнул, поддернул брючины и тяжело уселся в кресло. Боровой встал со стула.

– В общем, так, пацаны, – заговорил он глуховатым, торжественным голосом. – Сегодня мы составим устав организации. Придумаем ей название. Напишем клятву и подпишемся под ней кровью. Кто-нибудь возражает?

Предложение подписать устав кровью не вызвало ни возражений, ни смеха. Парни, сидевшие в комнате, уважали ритуалы и знали им цену. Кровь – это частица тебя. Подписываясь кровью, ты как бы отдаешь эту часть на благо общего дела. Приносишь себя в жертву общей идее. Договор, подписанный кровью, невозможно нарушить.

– Предлагаю назвать нашу организацию «Черные волки», – сказал Боровой. – Кто «за»?

Парни подняли руки.

– Единогласно, – удовлетворенно кивнул Боровой. – Отныне наша организация будет называться «Черные волки». Если вопросов нет, можно перейти к написанию и обсуждению устава.

– У меня есть предложение, – сказал Мельник. Боровой

окинул его скептическим взглядом.

– Ну, давай.

– Я тут недавно статейку читал про этих... как их... в общем, которые в Индии. Ну, типа индийских самураев. Так они обязаны всегда и всюду носить с собой мечи.

– Этих людей зовут сигхи, – сказал Апостол. – Ты считаешь, что мы тоже должны носить с собой оружие?

– Считаю, – кивнул Мельник. – Мы же не просто какие-то уроды, ты сам это сказал. Мы боевая организация.

Апостол хотел было возразить, но тут заговорили и остальные:

– Верно сказал...

– Надо оружие...

– Чтоб было чем от черномазых отбиваться...

Апостол посмотрел на Борового. Тот поднял руку – гул голосов тут же утих.

– Думаю, предложение хорошее, – сказал Боровой.

– Но... – начал было Апостол, однако Боровой сверкнул на него глазами и сказал еще более веским голосом:

– Оружие должно быть у каждого члена бригады. Наши враги не только черномазые, но и менты. Мы не будем сдаваться им без сопротивления. Это закон чести.

– Ты что, предлагаешь оказывать ментам вооруженное сопротивление? – спросил Апостол.

– Это закон чести, – глухо повторил Боровой. Он повернулся к собравшимся и тихо спросил: – Со мной все соглас-

ны?

– Все!

– Да, Боров, все!

– Закон чести!

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул Боровой. – Значит, мы будем носить оружие.

– И какое оружие ты предлагаешь таскать? – иронично поинтересовался Апостол. – Мечи? Или, может быть, сабли?

– Ножи, – ответил Боровой. – Небольшие, но остро заточенные перья.

– Точняк, Боров, ножи!

– Даешь ножи!

– Тише вы! – прикрикнул на парней Боровой. – Хотите, чтобы нас соседи слышали? А ну, заткнулись все.

Голоса затихли.

– В общем, так, – сказал Боровой. – Мельник, тут на углу есть магазин «Охотник», видел?

– Угу.

– Сейчас ты пойдешь туда и купишь двенадцать ножей. Таких, чтобы можно было спрятать в кармане или рукаве. Лезвие не слишком широкое, но прочное. И чтобы на каждом был фиксатор. Сможешь выбрать?

– Без базара. А почему двенадцать? Нас ведь семеро.

– Пока семеро. А будет двенадцать. Это будет ядро организации. Я так решил.

– Как скажешь, – смиренно кивнул Мельник. – А балаба-

сы?

Боровой вынул из кармана бумажник, отсчитал несколько купюр и протянул их Мельнику:

– Держи, этого должно хватить. Давай, дуй! Чтоб через двадцать минут был здесь. А мы пока обсудим устав и программу организации.

– А мое мнение чего, не учитывается? – обиженно спросил Мельник.

– Учитывается. Вернешься – выскажешь его. А сейчас – вали в магазин.

Мельник поднялся с дивана и побрел в прихожую. Возле двери он остановился и обернулся:

– Может, я пивка за одно прикуплю? Чтобы обмыть новое дело, и все такое.

Боровой подумал и кивнул:

– Давай.

– Я в баллонах куплю, ничего?

– Нормально. Вали уже! Мельник кивнул и вышел из комнаты.

Оказалось, что у Апостола уже есть заготовки для устава и программы. Осталось внести в них кое-какие коррективы – и дело в шляпе. Через час работа была закончена. Членам организации «Черные волки» вменялось соблюдать строжайшую конспирацию, беспрекословно подчиняться вождю (которым, по единогласному мнению, стал Антон Боровой), носить при себе одинаковые ножи в знак принадлежности к бригаде, быть готовыми отдать жизнь за идею «России без черных».

Оставалось подписать устав кровью. Мельник сбегал на кухню и подправил ножи на точильном камне. Дожидались его почти в полной тишине. Никому не хотелось базлать попусту, чтобы не испортить торжественность момента.

Вернувшись, Мельник раздал ножи парням, а лишние отдал Боровому.

– Ну что, приступим, – сказал тот. – Кто первый?

– Позволь мне, – с улыбкой сказал Апостол.

– Валяй.

Апостол поднес лезвие ножа к пальцу, улыбнулся и сделал надрез. Затем слегка промокнул каплю крови салфеткой, поднес руку к уставу и плотно приложил подушечку пальца к бумаге. На бумаге остался четкий кровавый отпечаток.

– Ну, с почином? – улыбнулся он. – Следующий.

Следующим был Боровой. За ним кровавые оттиски под написанным вручную текстом устава оставили все присутствующие.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Апостол. – Теперь мы члены организации «Черные волки». А значит, братья.

– Теперь можно вдарить по пивку? – поинтересовался Мельник, облизывая окровавленный палец.

– Тащи, – коротко распорядился Боровой. Мельник притащил баллоны с пивом, стаканы и большой пакет с соевым арахисом. Выпив пива, парни снова расслабились (до этого торжественность момента оказывала на них завораживающее действие) и загалдели. В комнате стало жарко и накурено. Штырь и Мельник стянули футболки, обнажив поджарые тела, украшенные свастикой и надписями, сделанными витиеватой кириллицей, «Русь» и «Русь – Святая Земля». Парни были разговорчивы и взволнованы, пиво лилось рекой.

В самый разгар пьянки Апостол подошел к сидящему в кресле Боровому, нагнулся и тихо шепнул:

– Боров, пойдем на кухню, покурим. Тот внимательно посмотрел на Апостола и кивнул:

– Пошли.

Нырять в табачном тумане и перешагивая через вытянутые ноги новоявленных «черных волков», Боров и Апостол вышли на кухню. Апостол плотно закрыл дверь и повернулся к Боровому. Тот закурил, посмотрел на Апостола сквозь гу-

стое облако дыма и сказал:

– Ну?

– Боров, мы подписали устав кровью, – тихо сказал Апостол. – Но этого мало. Надо сделать так, чтобы ни у кого из них не было обратного хода.

Боров прищурил недобрые глаза:

– Что ты имеешь в виду?

– Нужно сделать так, чтобы все мы были крепко повязаны, – спокойно объяснил Апостол. – И чтобы никому из членов бригады было невыгодно стучать на соратника.

Боров дернул щекой:

– Я их всех знаю. Они и так не будут стучать. По пухлым губам Апостола заблуждала улыбка.

– Чужая душа – потемки, Боров, – сказал он мягким и вкрадчивым голосом. – Человек и за самого себя-то не может поручиться, не то что за других.

Боров помолчал, обдумывая слова Апостола, затем сказал:

– Допустим, ты прав. И что мы должны сделать?

Апостол покосился на закрытую дверь, облизнул губы и сказал:

– В двух кварталах отсюда есть овощной ларек. Торгует там один черномазый. Натуральное животное. В десять часов он закрывает ларек и едет домой.

– Ну и?

– Сейчас полдесятого, – сказал Апостол. – До закрытия

ларька осталось полчаса.

Боровой стряхнул пепел в раковину и пристально посмотрел на Апостола.

– Давай конкретней.

– На улице темно, – продолжил Апостол. – Погода – дрянь. Прохожих почти нет. Понял, о чем я говорю?

– Предлагаешь крещение кровью?

– Что-то вроде этого, – кивнул Апостол. Боров сдвинул брови и подозрительно прищурился:

– А ты сам-то будешь в этом участвовать? Или думаешь постоять в сторонке и понаблюдать?

Улыбка покинула губы Апостола. Он сурово сдвинул брови и серьезно, делая упор на каждом слове, произнес:

– Я один из вас. И у меня есть нож.

– Что ж... – Боров швырнул в раковину окурок и решительно повернулся к двери. – Тогда за дело.

По улице шли тихо, поеживаясь от порывов ветра и морозящего дождя. В головах у парней играл пивной хмель, но предстоящее «дело» заставляло воздерживаться от пьяной болтовни. Прохожих на улице не было, ветер и дождь загнали всех по домам. На углу дома Боровой, который шел впереди, поднял руку. Парни остановились. Боровой выглянул из-за угла.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Мельник.

– Закрывает, – ответил Боров. – Нужно подождать.

Ждать пришлось недолго. Спустя минуту Боровой сказал:

– Приготовились.

За углом слышались шаги и негромкое покашливание. Боровой достал из кармана нож и выщелкнул лезвие. Парни последовали его примеру. Несколько мгновений спустя из-за угла вывернул невысокий, пожилой человек в куртке с поднятым воротом.

Боровой шагнул мужчине навстречу и, ни слова не говоря, ударил его ножом в живот. Мужчина ойкнул – не столько от боли, сколько с перепугу, остановился и, постояв с выпученными глазами секунду или две, повалился спиной на стену дома.

– За... что? – прохрипел он. Боровой обернулся к парням.

– Давайте. Каждый, – сказал он.

Парни обступили привалившегося к стене мужчину плотным кольцом. Тот, прижав руки к животу, полным ужаса взглядом смотрел на незнакомцев с ножами в руках.

– Штырь, давай! – приказал Боров.

– Куда бить? – растерянно спросил Штырь.

– Куда придется. Давай, бля!

Штырь слегка размахнулся и воткнул нож мужчине в бок. Выдернул и ошарашенно уставился на окровавленное лезвие.

– Мельник! – скомандовал Боровой.

– Получи, сука! – крикнул Мельник и ударил мужчину ножом в грудь.

Мужчина застонал и стал сползать по стене на асфальт.

– Давайте! Живо, пока никого нет! – прикрикнул на парней Боровой.

Удары посыпались градом. Лезвия ножей тускло вспыхивали в желтом свете фонаря. Через минуту мужчина лежал в луже крови, а новоиспеченные «черные волки» быстро удалялись от места «боевого крещения» по черной, безлюдной улице. Все прошло быстро и просто.

Перед домом Борового остановились. Лица у всех были возбужденные.

– Блин, – поморщился Штырь, глядя на свои руки. – Пальцы трясутся.

– У меня тоже, – сказал Мельник.

– И у меня. И у меня, – тихо загалдели парни. Апостол

посмотрел на чернявого Кержнера.

– А у тебя, Сергей? – поинтересовался он. – У тебя руки не трясутся?

Кержнер хотел ответить, но вместо этого издал горлом какой-то невразумительный звук и лишь махнул рукой. Даже в тусклом свете фонаря было видно, каким бледным стало его лицо.

– Плохо выглядишь, – тихо сказал ему Апостол. – Тебя что, мутит?

Кержнер не ответил.

– Что будем делать дальше? – спросил у Борового Мельник.

– Надо расходиться, – ответил тот.

– У меня на руках кровь, – пожаловался Мельник. – И на рукаве. Помыть бы.

Боровой посмотрел на его рукава и кивнул:

– Ладно. Сейчас все идем ко мне. Смываем кровь и расходимся. Только тихо, а то соседи услышат.

Боровой повернулся и зашагал к подъезду. Парни, тихо переговариваясь, двинулись за ним.

Через два дня Мельник позвонил Апостолу.

– Слышь, Апостол, надо встретиться, – прошептал он в трубку хриплым, взволнованным шепотом.

– Мы же договорились – встречаться только в крайних случаях, – строго сказал Апостол.

– Можешь считать, что такой случай настал, – усмехнулся

Мельник. – Короче, тут такая бодряга...

– Не по телефону, – оборвал его Апостол. – Помнишь кофейню, в которой ты познакомился с Боровом?

– А, он тебе и про это рассказывал?

– Он много чего мне рассказывал. Встречаемся там через час. Успеешь?

– Должен.

– Давай.

Был промозглый апрельский вечер, на улице завывал ветер, но в кофейне было тепло и уютно. Ожидая Мельника, Апостол заказал себе большую чашку кофе «американа». Попивая кофе и размышляя, он вспомнил о том, что случилось два дня назад. Вспомнил пьянящий восторг, который испытал, когда нож вошел в живую плоть. Все это было здорово, но слишком уж быстро и сумбурно. Вот если бы подольше, чтобы успеть хорошенько прочувствовать и просмаковать каждое мгновение...

Апостол тряхнул головой. Нет, в таких делах медлить нельзя. Нужно беречь силы и не оставлять следов. Быстро сделал – быстро ушел.

Апостол отхлебнул кофе и посмотрел в окно. Мельник шел по другой стороне улицы, сунув руки в карманы куртки. На этот раз куртка была не черная (конспирация), а синяя, обычная, с идиотским капюшоном. Перед тем как перейти улицу, Мельник на секунду остановился и быстро зыркнул глазами по сторонам. «Молодец, – подумал Апостол. – Из

этого парня, пожалуй, выйдет толк».

Когда Мельник вошел в кофейню, Апостол как раз заказывал себе вторую чашку кофе.

Кепка и куртка Мельника были влажными от дождя. Когда он снимал кепку, несколько холодных капель упали Апостолу на лицо, и тот поморщился.

– Итак? – заговорил Апостол, когда Мельник окончательно уселся и перестал вертеться. – Что ты хотел мне сказать?

Мельник, в своей мышинной манере, зыркнул глазами по сторонам, чуть наклонился вперед и затараторил, выкатив на Апостола мельенькие глазки-бусинки.

– Я по поводу Кержнера. Он меня беспокоит.

– Кержнер? – поднял брови Апостол. – Сергей Кержнер? А почему ты позвонил мне, а не Борову?

Мельник усмехнулся, обнажив два ряда мелких, желтоватых зубов.

– Потому что Боров его друг. Он не станет меня слушать, а тебя – станет. Поэтому я решил поговорить с тобой.

– Гм... – Апостол задумчиво поскреб пальцами румяную, плохо выбритую щеку. – Вообще-то логично. И что случилось с Кержнером?

Мельник сдвинул черные бровки-стрелки и тихо спросил:

– Ты знаешь, что он еврей?

– Догадывался, – усмехнулся Апостол. – Это все, что тебя беспокоит?

Мельник покачал головой и затараторил:

– Нет. Просто последние дни... После того как мы... Ну, ты понимаешь. В общем, Кержнер последние два дня ведет себя странно.

Подошла официантка и поставила перед Апостолом кофе. Дождавшись, когда она ушла, Апостол тихо спросил:

– И в чем это выражается? Что такого странного делает Кержнер?

– По-моему ему снесло крышу, – сказал Мельник. – Позавчера... После того как мы... – Мельник замялся.

– После акции, – подсказал ему Апостол.

– Да, после акции. Мы шли с Кержнером вместе к метро, и он сказал, что мы... сделали ошибку.

– Ошибку? – мягко усмехнулся Апостол. Мельник кивнул:

– Да. Он сказал, что одно дело громить ларьки, другое – убивать живого человека. Он сказал, что ему не по себе и что его тошнит. А когда мы подошли к метро – проблевался. Прямо возле входа, даже до урны не дошел. Хорошо еще, что ментов поблизости не было.

– Гм... – Апостол вновь поскреб пальцами щеку. – Что еще он говорил?

– В тот вечер ничего. А вчера... когда мы были на матче... точнее, уже после матча, когда возвращались домой... в общем, он понес какую-то херню про то, что человеку воздается за грехи. И что наказания никому не избежать. Я спросил – чего он гонит? Какие, на хрен, грехи? А он ответил: «Ты

сам знаешь какие». А потом замолчал и до самого метро со мной не разговаривал.

– Это все? – спросил Апостол, внимательно выслушав Мельника.

Тот покачал головой:

– Нет. Сегодня он мне позвонил и сказал, что наша организация – бред собачий. И что раньше мы были людьми, а теперь стали псами, а наши хозяева – Боров и ты. И что он не хочет плясать под вашу дудку.

– Так и сказал? – усмехнулся Апостол.

– Так и сказал. Кстати, ты кофе пить будешь? Если нет, то...

Апостол молча пододвинул Мельнику свою чашку.

– Вот спасибо! Я же говорил Кержнеру, что ты нормальный пацан. А он – «Апостол гнида, Апостол гнида».

Мельник взял чашку обеими руками и звучно отхлебнул. Облизнул мокрые губы и с улыбкой протянул:

– Лепота-а.

– Так говоришь, Кержнер называл меня гнидой? – спокойно уточнил Апостол.

– Угу. Не нравишься ты ему.

– Только ему?

– Ну да. А кому еще?

– А остальные? Как они ко мне относятся? Мельник пожал острыми плечами:

– Да нормально. Ты же с Боровом, а Борова пацаны кон-

кретно уважают. Слышь, Апостол, только ты сам с ним поговори, ладно? Если я ему чего-нибудь про Кержнера вякну, он меня тут же уроет. Они же с детства дружат.

– Хорошо. Я с ним поговорю.

– Вот и ладушки. А я побегу. Мне еще в училище.

Мельник допил кофе, встал со стула, пожал Апостолу руку и мелкой рысцой двинулся к выходу. Апостол проследил за ним взглядом. Посмотрел, как Мельник, вжав голову в плечи, перебегает дорогу. Затем отвел взгляд от окна, посмотрел на пустую чашку и поморщился.

– Гнида, – тихо проговорил он. – Значит, гнида... Ну-ну, посмотрим, кто из нас гнида.

С Боровым Апостол встретился в тот же вечер. Дождь уже утих, поэтому встретиться решили в сквере. Вслед за дождем угомонился и ветер. Вечер был необычно спокойным и теплым. Жаль только, что скамейки были влажными, но Апостол это предусмотрел и положил на промокшие доски заранее приготовленные полиэтиленовые пакеты.

– Сядешь? – предложил он Боровому. Однако тот покачал головой:

– Постою. Ты сказал, что у тебя что-то срочное. Давай, выкладывай.

– Разговор будет нелегким, – предупредил Апостол. – Я хочу, чтобы ты спокойно меня выслушал.

– На то ты и Апостол, чтобы я тебя слушал, – насмешливо парировал Боровой.

Апостол подождал, пока Боровой закурит, и лишь потом заговорил:

– Я хочу поговорить о твоём приятеле – Кержнере.

Зажигалка замерла в руке Борового.

– О Серее Кержнере? – удивился он. – Валяй, говори.

Апостол откашлялся и улыбнулся.

– Ты, конечно, в курсе, что он не русский. Боровой криво усмехнулся:

– Ну, типа да, не русский. Но мать-то у него русская. И

сам он такой же, как и мы.

– Такой же, да не такой, – с улыбкой сказал Апостол.

Боровой пожал плечами:

– У тебя тоже есть друзья прибалты. Густав, например. Он ведь эстонец или кто там?

– Неважно. Я бы ничего не говорил о Кержнере, если бы он был эстонцем или латвийцем. Даже если бы он был каким-нибудь... чувашем. Но твой друг Кержнер – еврей.

Апостол смотрел на Борового с грустной улыбкой. Тот молчал, потупив взгляд.

– Еврей, понимаешь? – повторил Апостол. – Жид. А жида – наши исконные враги.

– Но Серега – нормальный пацан, – возразил Боровой. – Я его со школы знаю.

– А ты думаешь, если бы он был с червоточиной, он бы ходил и всем говорил: «Посмотрите, я вонючий жид и ненавижу русских»? Так, что ли? Жид на то и жид, чтобы хитрить и маскироваться. Снаружи он такой же, как мы. Но если копнуть глубже...

Апостол замолчал, предоставляя Боровому самому определить, что будет, если «копнуть глубже». Боровой, однако, не спешил соглашаться.

– Но ведь и среди жидов есть исключения, – сказал он, недобро сверкая глазами.

Апостол улыбнулся и покачал головой:

– Нет, Боров. Жизнь показывает, что исключений в этом

деле не бывает. В любом жиде, каким бы нормальным пацаном он ни был на вид, скрывается червоточина. Мы с тобой не раз это обсуждали, и раньше ты со мной соглашался.

– Но я не знал... Я не думал, что...

– Пойми, Боров, я говорю это все не из-за того, что Кержнер мне неприятен. В нашем деле важна идея. Та идея, за которую наши братья готовы умирать и, если придется, убивать. Мы можем изменить друг другу, но мы не можем изменить идее. Если мы так сделаем, то все, нашему движению конец. Понимаешь? Слишком многое поставлено на карту. Да я бы сам отдал свою паршивую жизнь за Кержнера. Но сделать так – значит предать идею.

Боровой молчал. Тогда Апостол достал из кармана лист бумаги с уставом, скрепленным кровавыми подписями «черных волков».

– Посмотри на это, Боров, – мягко сказал Апостол. – Это все не игра. Мы дали слово. Мы подписались кровью. От нас зависит будущее страны, в которой мы живем. На кону – существование России. Неужели ты не понимаешь?

– Но какой вред России от одного жиде? – сухо спросил Боровой.

Апостол усмехнулся.

– Иногда достаточно и одного предателя, чтобы развалить все дело. Кержнер знает о нас. Знает нас по именам, знает в лицо. Зачем, по-твоему, он вступил в бригаду?

– За тем же, зачем и мы.

– Возможно. А если нет?

– Но он считает себя русским!

– Правильно, – кивнул Апостол. – И будет считать до тех пор, пока ему выгодно. А когда прижмет, тут же переметнется на сторону врагов. Какая ему разница, кто перед ним – русский, немец или француз? Евреи считают себя избранной расой. А всех остальных – разменной монетой в их многовековой борьбе. В той самой борьбе, которую они осуществляют с помощью контроля за мировыми финансовыми потоками. Впрочем, не будем в это углубляться. Итак, что ты решил? Боровой помолчал.

– А что я должен решить? – спросил он глухим, растерянным голосом.

Апостол пристально и мягко посмотрел Боровому в глаза.

– А разве ты сам не знаешь?

На сердце у Борового заскребли кошки. Вдруг стало мерзко на душе, и даже во рту появился какой-то тошнотворный кислый привкус.

– Я должен подумать, – сухо сказал Боровой. Апостол улыбнулся – мягко, почти по-отечески:

– Конечно. Мы не должны принимать необдуманных решений.

– А ты? – спросил Боровой. – Ты тоже будешь думать?

Апостол покачал широкой головой:

– Нет. Я уже все для себя определил. Иначе я бы не стал с тобой об этом говорить.

– Значит, ты не передумаешь? – поглядывая на Апостола исподлобья, спросил Боровой.

Тот покачал головой и твердо ответил:

– Нет. Мы должны... нет, мы *обязаны* сделать это. И других вариантов тут быть не может.

– А как насчет других? Они тоже имеют право на собственную точку зрения.

– Не всегда, – сказал Апостол. – Иногда один человек должен взять на себя всю степень ответственности. И этот человек – ты. Я всего-навсего идеолог, Боров, а ты... ты наш вождь. Сильный лидер, за которым пойдут слабые и неуверенные.

Боровой вздохнул и сурово сдвинул брови.

– Когда я должен дать ответ? – спросил он.

– Чем скорее, тем лучше. Кержнер может предать нас в любой момент. Ему стоит сказать только слово, и нас тут же возьмут на заметку. И тогда – конец. Мы ведь не обычная банда бритоголовых, Боров. Мы – борцы за идею. Ядро будущей армии, которая вышвырнет из страны инородцев и обеспечит России славное будущее.

Боровой понурил голову и медленно опустился на скамейку. Около минуты он размышлял, разглядывая лужи и плавающий в них мусор. Затем поднял взгляд на Апостола и сказал:

– В общем, так, Апостол. Я знаком с Кержнером уже лет десять. Он всегда был нормальным пацаном. Пару раз он

здорово меня выручал. Если бы не он, я бы давно уже сидел на нарах. Но это еще не все, – добавил Боровой, заметив, что Апостол хочет что-то возразить. – Три года назад мы оба кадрили одну девчонку. Серега парень красивый, а я, сам видишь, не Аллен Делон. Короче, мне ни хрена не светило. А я сильно запал на эту кралю. Ночей не спал, все о ней думал. И тогда я решил поговорить с Серым. И поговорил. Я попросил его отступить от нее. И знаешь, что он сделал?

– Ответь сам, – с улыбкой сказал Апостол.

– Он отступился. Бросил ее ради меня. Хотя сам эту сучку любил. Он мне как брат, понимаешь? – Боровой прищурил недобрые глаза. – Вот ты бы, например, как на его месте поступил? Отступился бы, чтобы дать дорогу мне?

– Боюсь, что нет, – ответил Апостол.

– То-то и оно.

Боровой замолчал. Апостол тоже не спешил говорить. Молчание длилось почти минуту. Снова начал накрапывать дождь, намочив сигарету Борового. Наконец Апостол решил прервать молчание и спросил прямо:

– Что ты решил, Боров?

Боровой отшвырнул сигарету, поднял на Апостола мрачный взгляд и резко спросил:

– Ты уверен, что Кержнер предаст?

– Уверен, – спокойно ответил Апостол. – Не сегодня, так завтра. Он захочет уйти, но отпускать его нельзя. Так что ты решил?

– Если Кержнер мешает нашей борьбе, Кержнера не станет, – сухо и спокойно ответил Боровой.

– Нет, – сказал Кержнер. – Давайте без меня. Меня что-то ломает.

Боровой усмехнулся. В его темных, глубоко посаженных глазах полыхнул холодный огонек.

– В каком смысле? – спросил он.

– В прямом, – ответил Кержнер. – Заболел, наверное.

– Чем?

– Не знаю. Простыл.

Кержнер встал со стула и подошел к плите. Пока он ставил чайник на плиту, Боровой пристально смотрел на его кучерявый затылок. «Неужели правда? – думал он. – Да нет, не может быть. Лажа какая-то. Серега правильный пацан. Он не может быть предателем».

– Слушай, Серый, – медленно начал Боровой, – че за фигня с тобой происходит? Я тебя не узнаю. Не по-пацански себя ведешь.

– Со мной все в порядке, – огрызнулся Кержнер. Глянул на друга через плечо и мрачно добавил: – А вот с тобой? Что происходит с тобой?

– Ты это о чем? – поднял брови Боровой.

– Да так, – сказал Кержнер небрежно, – ни о чем.

– Нет, братан, ты уж договаривай, раз начал. Тебе что-то не нравится?

– Да. Я... – Кержнер мучительно наморщил лоб, затем махнул рукой: – А, ладно, забудь. Заболел я, понял?

Он затушил спичку и подошел к столу. Сел на табуретку, протянул руку за сигаретами. Боровой быстрым движением перехватил его руку. Потом сгреб в пригоршню ворот рубашки Кержнера и притянул его к себе.

– Что случилось, братела? – процедил он сквозь зубы. – Ты мне скажешь?

Друзья пристально смотрели друг другу в глаза. На этот раз Кержнер не отвел взгляд.

– Не хочу убивать, – тихо сказал он.

– Убивать? – не поверил своим ушам Боровой. – Ты кого имеешь в виду? Того черномазого?

Кержнер усмехнулся.

– А ты еще кого-то убил? – с мрачной иронией поинтересовался он у Борового. Затем покосился на судорожно сжатые пальцы Борового, неприязненно дернул уголок губ и холодно добавил: – Убери руку, Боров. Рубашку помнешь.

Боровой убрал. Усмехнулся и пригладил ладонью его примятый воротник.

– Зря паришься, Серый. Убийств больше не будет.

Кержнер недоверчиво прищурился.

– Не будет? Ты... ты правду говоришь? Боровой небрежно дернул плечом и сказал:

– Я тебе когда-нибудь врал?

– Вообще-то нет, – ответил Кержнер.

– Тогда зачем спрашиваешь? – Боровой улыбнулся и обнял друга за плечи. – Эх, братела, нам ли быть в печали. А ну, взбодрись! – Он слегка встряхнул Кержнера. – Сколько лет мы друг друга знаем, а? И ты до сих пор мне не доверяешь?

– Да, извини. Просто я... Когда я его ножом... Мне не понравилось... Меня даже стошнило.

– Я понимаю, – кивнул Боровой. – Мне и самому эта бо-
дыга не по душе. Я ж не зверь.

– И ты на меня не обижаешься?

– Я что, похож на обидчивую целку? Все в порядке, братела. Больше никаких ножей. Зуб даю! У тебя чайник кипит. Сообразишь мне кофейку?

– Да. Конечно. Только у меня растворимый.

– Да мне все равно.

Через пару минут Кержнер поставил перед Боровым чашку с кофе. Кержнер, откинувшись на спинку стула, наблюдал за ним в насмешливый прищур.

Когда оба уселись за стол и принялись за кофе, Кержнер поинтересовался:

– Слышь, Боров... Я чего-то не понял – так куда вы едете?

– Да за город, в Луговое.

– Погоди... Это цыганский поселок, что ли?

– Ну.

– Вот ни хрена себе. Мы же там были в прошлом году! Помнишь, как стекла у чурок били? Вот умора была, да?

– А то, – усмехнулся Боровой. – Повеселились нормально.

И сейчас повеселимся.

– Опять стекла? Боровой покачал головой:

– Не. Решили устроить небольшой фейерверк цыганчарам.

– Хотите запалить пару цыганских хибар?

– Угу. Думаю, это будет весело.

– Это другое дело, – с облегчением сказал Кержнер. – На это я готов.

Боровой насмешливо дернул щекой:

– Забудь, братела. Ты слишком впечатлительный. Не хочу, чтобы ты стал психом. А то еще будешь просыпаться по ночам и орать, как будто тебя режут.

Кержнер нахмурился.

– Кончай прикалываться, Боров, – обиженно сказал он. – Я еду с вами.

– А как же твоя работа? Кстати, ты все еще там же? Охранником в магазине?

– Угу. Но насчет этого не парься. Я поменяюсь со сменщиком, чувак мне должен. Так во сколько мы выезжаем?

Боровой посмотрел на часы.

– Через полтора часа. Так ты точно едешь?

– Точно, – кивнул Кержнер. Боровой обнял его за плечи и встряхнул.

– Молодца, братела, – тихо сказал он. – Я знал, что ты с нами.

Вечер выдался теплым. В небе светила полная луна. Мельник шел впереди и освещал фонариком широкую лесную тропу. От машины отошли уже метров на четыреста. С каждым шагом темнота вокруг сгущалась.

– А страшно, блин, – сказал Мельник, поглядывая вокруг, и передернул плечами. – Хорошо еще, что дождя нет. Иначе ваще жопа была бы.

– У-у! – крикнул за его спиной Штырь.

Луч фонарика пугливо метнулся по черным деревьям, окружающим тропу. Штырь загоготал. Мельник направил луч на Штыря.

– Ну, ты и сучара, Штырь, – досадливо сказал он. – Я чуть не обосрался от страха.

– Штаны проверь.

– Еще раз так сделаешь – хлебало начищу, – пообещал Мельник.

– А чистилки не обломаются?

– Нарываешься?

– Эй, вы там! Кончай базар! – прикрикнул на парней Боровой. – Как дети, в натуре. – Боровой повернулся к Кержнеру. – Видал, Серый? Шуты гороховые. Вот так и ходи с ними на серьезное дело.

– Пускай резвятся, – весело сказал Кержнер. – Главное,

чтобы штаны не обгадили. Нам с ними еще обратно в машину ехать.

— Да, Боров, пусть повеселятся, — прозвучал из темноты голос Апостола, который шел последним и замыкал шеренгу. — Затем и приехали.

— Ты сам-то как? — окликнул его Боровой. — Копыта не отваливаются?

— Были бы — отвалились бы, — посмеиваясь, ответил Апостол.

— Главное, протезы не поцарапай, — посоветовал Кержнер. — Больших денег, поди, стоят.

— Да уж немалых.

Пройдя еще метров сто, Мельник вдруг остановился. А за ним и вся цепочка.

— Слышь, Боров, — обернулся Мельник, — давай бутылки с коктейлем Молотова проверим. А то чего-то бензинчиком потянуло. По-моему, Серый их грохнул об пень.

— Сам ты пень, — огрызнулся Кержнер. Боровой положил ему руку на плечо.

— А ты проверь, Серый. Там уже некогда будет.

— Да все в порядке с бутылками. Чего ты паришься?

— Проверь, сказал. В натуре, чего тебе, сложно, что ли? Кержнер фыркнул.

— Вот пристал, а! Ладно, если тебя это успокоит... Он поставил сумку с бутылками на землю и нагнулся над ней.

Пока Кержнер звенел бутылками, проверяя содержимое

сумки, Апостол подошел к нему сзади. Холодный ствол карабина ткнулся Кержнеру в затылок.

– Обернись! – громко приказал Апостол. Кержнер медленно обернулся.

– Ты это чего? – удивленно спросил он. – Ты это...

Огненный всполох озарил лица парней. Грохот выстрела заставил их отшатнуться. Кержнер упал на траву. На месте его лица темнело что-то страшное и мокрое.

Апостол поднял взгляд на парней.

– Теперь остальные, – коротко сказал он. Парни беспомощно посмотрели на Борового.

Никто из них не сдвинулся с места.

– Делайте как договаривались, – сухо сказал тот. Штырь, Мельник и еще трое парней подошли к расprostертому на траве Кержнеру, достали из карманов ножи, но вновь остановились.

– Бейте! – приказал Боровой. – Давайте, слабаки!

– А, сука пархатая, получи! – крикнул Мельник и ударил лежащего Кержнера ножом. Хотел ударить еще раз, но Боровой схватил его за руку.

– Ну, хватит. Теперь остальные.

Парни по очереди ткнули ножами в бездыханное тело Кержнера. Все были бледны и молчаливы. Только Штырь тихо прошептал:

– Не надо было в лицо... Когда дело было закончено, Боровой приказал:

– А теперь к машине. Живо!

– Валим отсюда! – крикнул Мельник и первым побежал по тропе обратно. Сноп света метался из стороны в сторону. Парни, ни слова ни говоря, устремились за Мельником. Возле труппа остались только Боров и Апостол.

Апостол медленно повернулся и хотел уже идти, но Боровой удержал его за рукав.

– Пстой!

– Что еще? – глухо и неприязненно спросил Апостол.

– Зачем ты сказал ему обернуться?

Апостол криво ухмыльнулся.

– Хотел, чтобы он понял, что ему конец.

– Зачем? – повторил вопрос Боровой. Апостол пожал плечами:

– Просто проявил к нему уважение. Человек должен осознать свой последний миг на земле. Он ведь не корова, которую привели на убой. Если ты когда-нибудь решишь меня завалить, сделай так же, хорошо?

– Можешь быть уверен, – с ледяной усмешкой проговорил Боровой.

Часть вторая

Схватка

1

Август, 2006 г.

Антон Плетнев сладко зевнул и огляделся.

– А неплохое кафе, – сказал он. – Люблю, когда народу немного.

– Немного? – Турецкий усмехнулся. – Если ты не заметил, кроме нас здесь вообще никого нет.

– Вот я и говорю, – ничуть не смутился Плетнев. – Этим и приятны ночные часы в кофейнях. Никого нет. Тишь да гладь.

– Угу, – Турецкий кивнул. – Сонный официант, которому так тяжело подниматься со стула, что он готов убить тебя за каждую чашку кофе. Не знаю, как ты, а я предпочитаю проводить ночи дома, в постели, с женой под боком. – Александр Борисович стряхнул с сигареты пепел и насмешливо посмотрел на Плетнева. – Слушай, Антоша, сколько в тебе уже кофе?

– Не знаю. Чашки четыре.

– Руки еще не трясутся? Плетнев покачал коротко стри-

женной головой:

– Да нет.

– Силен. Что, и бессонница мучить не будет?

– До сих пор не мучила, – в тон Турецкому ответил Плетнев. – Вы будете смеяться, но раньше я вообще без чашки кофе уснуть не мог. Такой вот странный организм.

– Везет тебе. А я на ночь полчашки выпью – до утра ворочаюсь. – Турецкий поднял руку и посмотрел на часы. – Емое, уже пять минут третьего. Где этого Щеткина черти носят?

– Не знаю, но он просил дождаться.

– И мобильник вне зоны, – недовольно проговорил Турецкий. – Ты сам-то никуда не торопишься?

Бывший спецназовец покачал головой:

– Не-а. Мне и здесь хорошо. – Плетнев повернулся к официантке. – Девушка, будьте добры, еще один капучино!

– Сейчас она бросит в тебя чашкой, – предупредил Турецкий.

Плетнев улыбнулся:

– Пускай бросает. Будет повод поближе познакомиться.

Через минуту официантка, невысокая блондинка аппетитной полноты, поставила перед Плетневым чашку кофе. Она уже повернулась уходить, когда Плетнев ее окликнул:

– Девушка, простите мне мое любопытство... Никак не могу понять: что такая красавица, как вы, делает в ночном кафе?

– А где я, по-вашему, должна быть? – бросила она через плечо.

– На подиуме. Или на обложке модного журнала. У вас внешность фотомодели.

– Хороший комплимент, – сказала официантка и устало улыбнулась. – И главное, оригинальный. За сегодняшний вечер мне его говорили всего пять раз. Еще что-нибудь будете заказывать?

– Пожалуй, нет.

Официантка отвернулась и удалилась к стойке, величественно виляя бедрами.

– Ну что? – усмехнулся Александр Борисович. – Крепкий орешек?

– Вы сами сказали – она просто сонная. Обычно это срабатывает безотказно. Послушайте, Александр Борисович...

Турецкий дернул уголком губ:

– Слушай, завязывай с этой официальнойщиной. Зови меня просто Саня. Ну, или Саша. И на «ты».

– Хорошо, Александр Бо... То есть... Саша.

– Вот так-то лучше. – Турецкий потер кончиками пальцев глаза. – Фу, черт. Как же я сегодня не выспался. Так что ты хотел сказать?

– Ирина Генриховна просила вас позвонить, если задержитесь, – помните?

– Она уже спит. Плетнев покачал головой:

– Вряд ли. Думаю, она дожидается вашего звонка.

– Много ты понимаешь, – сухо бросил Турецкий, который терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в его отношения с женой. А тем более – Плетнев.

– И все-таки вам лучше ей позвонить. Турецкий прищурился и сухо произнес:

– Еще раз.

– Что – еще раз? – не понял Плетнев.

– То же самое, только на «ты».

– А, вы об этом. Хорошо. Позвони ей, Саша, она волнуется. Так годится?

– Вполне.

Турецкий достал из кармана телефон, но в этот момент дверь кофейни открылась, и на пороге возник Щеткин. На плече у майора была сумка. Щеткин направился к столику, за которым сидели коллеги, по пути доставая из кармана сигареты.

– Явился, не запыхался, – язвительно воскликнул Александр Борисович. – Чего так рано? Мы могли бы еще часок-другой подождать.

Щеткин уселся на стул, сунул в рот сигарету и прикурил от зажигалки. Турецкий и Плетнев выжидательно на него смотрели.

– И долго еще ты нас будешь томить? – поинтересовался Александр Борисович.

Щеткин помахал рукой, отгоняя от лица дым, затем снял с плеча сумку, расстегнул ее и положил на стол бумажный

пакет с пончиками. Посмотрел на коллег и сказал: – Пончики. Еще горячие. Угощайтесь.

– Если ты не заметил, мы в кофейне, – напомнил ему Турецкий.

– И что?

– А то, что за те полтора часа, что мы тебя ждали, мы съели все пирожные, которые были в меню.

– А, ну дело ваше, – пожал плечами майор и достал из сумки еще один пакет, на этот раз пластиковый и черный.

Турецкий и Плетнев удивленно воззрились на пакет.

– Это мусор, – объяснил им Щеткин. Александр Борисович поднял глаза на майора:

– Забыл выбросить, когда уходил из дома?

– Это не мой. На губах Турецкого зазмеилась усмешка.

– Ты таскаешь с собой чужой мусор? – поинтересовался он.

Щеткин качнул головой и нетерпеливо произнес:

– Это не просто мусор, это мусор из помойного ведра прапорщика Вертайло.

Турецкий и Плетнев снова уставились на черный пакет.

– Дерьмо какое, – проговорил Александр Борисович.

– Не совсем, – возразил Щеткин. – Колбасную кожуру, картофельные очистки и бычки от «Примы» я сразу отмел... А вот это может быть интересно... Антон, ты точно пончиков не хочешь?.. Ну, как хочешь. Итак, вот что мы тут имеем.

Щеткин вынул из пакета какие-то пластиковые обрывки

и положил на стол.

– Ну и что это?

– Это порезанные карты оплаты мобильного телефона. – Тут майор соединил два фрагмента и пододвинул получившуюся карточку к Турецкому.

– И что это значит? – продолжал недоумевать тот.

Щеткин постучал по карточке пальцем:

– Карточка, между прочим, стобаксовая. Вы часто такие покупаете?

– Каждый день, – усмехнулся Турецкий. Он склонился над карточкой и внимательно ее разглядел. – Да, в самом деле. Однако ничего странного тут нет. Так ведь экономичней. Платишь оптом. К тому же обычных телефонов в деревне нет.

– Вообще-то есть один, – сказал Щеткин.

– Правда?

– Угу. Как вы думаете, у кого?

– Ты меня заинтриговал. Неужто у Вертайло?

Щеткин кивнул:

– В точку. Я видел телефонный провод.

Александр Борисович задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Так-так... А не ты ли говорил, что бывший прапор спивается? Питается подножным кормом, не выходит из запоя и все такое. Махнул рукой на свою жизнь.

– Так и есть. Правда, тут есть одно «но». Когда я гово-

рил с Вертайло в последний раз, я заметил одну странность. Был момент, когда глаза у него совершенно прояснились. Как будто весь хмель из башки вылетел.

– Что ж, такое бывает. Уж поверь профессионалу.

– Да, но уже в следующее мгновение он опять лыка не вязал. И как-то уж очень старательно и красиво стал изображать пьяного. Прямо как на сцене.

– Красиво, говоришь... – Александр Борисович потер пальцами подбородок. – Может, тебе показалось?

– Что я, пьяных не видел?

– Веский довод, – одобрил Турецкий. Щеткин стряхнул с сигареты пепел и снова заговорил:

– Говорю вам, ребята, тип более чем странный. – Майор коснулся кончиком пальца телефонной карты. – Сто баксов для деревни это большие деньги. Слишком большие, чтобы тратить их на мобильную связь. К тому же в доме у Вертайло есть обычный стационарный телефон. А в деревне провести телефон – это целое событие. И между прочим, стоит немалых денег.

– И все равно не убедил, – гнул свою линию Турецкий.

– Неужели? – заговорил молчавший до сих пор Плетнев.

Александр Борисович повернулся к нему:

– А тебя, выходит, убедил?

– По-моему, доводы у майора веские, – пожал плечами тот. – С Вертайло явно не все в порядке. Надо брать его в тщательную разработку.

Турецкий с едва заметной усмешкой посмотрел на Плетнева.

– Гм... – проговорил он. – А теперь запомни, что я тебе скажу, Антоша. В нашем деле главное – это не улики, а их убедительность. Любая ошибка или невнимательность сыщика может повести следствие по ложному следу. А это время. Время, потраченное впустую.

– Я думал, когда улик мало, мы обязаны хвататься за любую мелочь, – сказал Плетнев.

Александр Борисович кивнул:

– Правильно думал. Но в том-то и преимущество коллегиальной работы, что твой напарник своим критическим, «незамыленным» взглядом на вещи помогает тебе отбросить все несущественное и пустое. И тем самым уберегает от возможной ошибки. Майор, подтверди! – повернулся Турецкий к Щеткину.

– Подтверждаю, – тот кивнул.

– По твоему сияющему взгляду я вижу, что порванной карточкой дело не ограничилось. У тебя есть еще один козырь?

– От тебя, Александр Борисыч, ничего не скроешь. Вот. – Щеткин достал из кармана и положил на стол маленький бумажный квиток. – Это автобусный билет «Москва – Тверь», двенадцатое июля, девять сорок. А ведь Вертайло утверждал, что в Москве не был.

– И что ты на это возразишь? – поинтересовался, обраща-

ясь к Турецкому, Плетнев.

– Отвечу, что этим билетом необязательно пользовался сам Вертайло. В Москву могла ездить его жена. Допустим, за новым электрочайником. Или грибами поторговать.

Плетнев выслушал Турецкого и перевел взгляд на майора.

– Что скажешь, Петя?

– Скажу, что сам по себе билет немного стоит, – ответил Щеткин. – Но вместе со стобаксовой карточкой... И ведет он себя странно. Майка, трусы, рваная кофта. А денежки, между тем, имеются. Подумай сам, Александр Борисович, какой резон прапорщику приbedнаться?

– Резонов много, – ответил Турецкий. – Может быть, соседей стесняется. Люди – существа завистливые. Увидят мобильник или пронюхают, каких денег прапорщику стоят разговоры, решат – кулак. А с кулаками, сами знаете, что на Руси делают.

– Н-да, кулаков обычно раскулачивают, – согласился Плетнев, с азартом поглядывая то на Щеткина, то на Турецкого. – А что ты теперь скажешь, майор?

– Да, Петр, – дымя сигаретой, улыбнулся Турецкий, – неужели мы из-за этого мусора собрались в полтретьего ночи? Хотя блеск в твоих глазах не погас. Значит, ты приготовил нам еще что-то. Давай, майор, выкладывай своего козырного туза.

Щеткин весело посмотрел на Александра Борисовича, хмыкнул и покачал головой.

– Н-да, Турецкий, ты видишь человека насквозь. Вот что значит – генпрокуратура.

– Ты нас осчастливишь новой уликой, или нам расходиться по домам?

– Куда ж я денусь?

– Так давай, вынимай ее скорей из своего волшебного, благоухающего пакета.

– Уже. Улика у тебя в руках. Переверни билет.

Турецкий перевернул билет и прочел надпись, сделанную явно впопыхах, размашистым мужским почерком:

– «Альбина». И телефонный номерок... – Александр Борисович поднял на Щеткина взгляд и хищно сощурился: – Телефон московский. Контора или частный номер?

– Да уж, контора, – усмехнулся Щеткин. – Салон!

– Автосалон? – деловито уточнил Антон Плетнев. Щеткин покосился на него и саркастически поднял бровь.

– Ага, – сказал он. – Машины с тюнинговыми модификациями для сексуальных утех.

Плетнев смутился.

– Публичный дом, что ли? – тихо спросил он.

– И не просто публичный, а, можно сказать, элитный. От семи сотен за ночь и выше.

Плетнев присвистнул:

– Вот тебе и деревенский пьяница. Ты это точно нашел в его мусорке? Не ошибся кучей?

– Не знаю, как насчет сыскного дела, а плоско шутить ты

у Турецкого уже научился. Нет, сынок, кучей я не ошибся. Тем более что мусор собрал не я, а местный участковый милиционер. – Щеткин выдержал многозначительную паузу.

– Ну, давай, Пинкертон, не тяни, – поторопил его Турецкий. – Расскажи нам про эту Альбину. Ты уже стал ее постоянным клиентом?

– Не с моими средствами.

– А ты попроси у Яковлева. Скажи: так, мол, и так, товарищ генерал, срочно нужны деньги для посещения публичного дома. Но не корысти ради, а токмо ради общего тела. Прости, оговорился, – дела.

– Альбине я звонил. Но если будете зубоскалить, не скажу вам ни слова.

– Ладно, майор, извини. Мы тут два часа проторчали, пока ты Альбиной занимался, дай хоть пар выпустить.

– Выпустили?

– Почти.

– Значит, я могу продолжить?

– Уж будьте так любезны.

И Щеткин продолжил:

– В общем, я позвонил, представился. Попросил связать меня с Альбиной. Мне перезвонили и сказали, что она сейчас... недоступна. И то, что это очень дорого. Я сказал, что в курсе, что денег у моего патрона куры не клюют. И что он будет ждать звонка, так как Альбину ему рекомендовал Миша, наш прапор то есть. А она спросила, как Миша, когда

приедет... мол, его все ждут. Что девочки соскучились и так далее.

– Н-да... – сдвинул брови Турецкий. – Слыхал, Антон? По нашему прапору соскучились девочки. Звучит неплохо, а? Черт, даже немного завидно. Выходит, наш Вертайло и впрямь подпольный миллионер? «Гражданин Корейко» подмосковного разлива. Молодец, Петя, хорошо сработал. Улика железная.

Щеткин с гордым видом откинулся на спинку стула.

– Кстати, а как ты представился? – поинтересовался у него Плетнев.

– Как обычно. Майор Щеткин из МУРа. Девушка-диспетчер чуть животик не надорвала от смеха.

– А что за «патрон»? – осведомился Терещкий. – Почему не ты сам?

Щеткин слегка покраснел.

– Ну... Вероятно, потому что так солидней, – ответил он.

– А кто же у нас будет «патроном»? – вновь поинтересовался Александр Борисович.

– А уж это вы двое между собой решите.

– Что-о? – хором протянули Плетнев и Турецкий.

Щеткин виновато улыбнулся:

– А что? Мое дело было найти. Я нашел. Дальше действовать кому-то из вас.

– А ты сутенер, Щеткин, – иронично заметил Александр Борисович. Затем повернулся к Плетневу и сказал: – Сдается

мне, Антоша, что «патроном» будешь ты.

– Это еще почему?

– Потому что я женат. Да и стар я уже для таких развлечений. А ты у нас – молодой, красивый, холостой. Обсудим детали. Значит, ты приходишь к этой Альбине и...

– Подождите, подождите... – Плетнев явно не горел желанием посетить «элитный салон». – А мы не сможем ее просто допросить?

Щеткин покачал головой:

– Не можем. Вертайло спугнем. Надо идти и выяснять все на месте.

Турецкий и Щеткин пристально уставились на Плетнева.

– Ребята, – смущенно заговорил тот, – не позорьте меня. Я же все дело завалю.

– Мы же тебя не на передовую посылаем, – усмехнулся Щеткин. – Приятная встреча с красивой женщиной.

– Вот и пошел бы сам.

– Да от меня за километр МУРом разит. Ладно, гуляки, не будем спорить. Давайте монетку кинем... Ты, Саня, будешь орел... А ты, Антоша, уж извини – решка. Поехали...

Щеткин вынул из кармана монетку, положил ее на ноготь и щелчком подбросил вверх. Монетка взлетела и через мгновение с дробным звоном приземлилась на стол. Монетка еще крутилась, когда Турецкий накрыл ее ладонью.

– Ладно, трусишки, – насмешливо сказал он. – Беру это дело на себя. Если только Альбина не испугается моей тро-

сти и не убежит.

– Наоборот, – с облегчением сказал Плетнев, заметно приободрившись. – С тростью ты выглядишь еще импозантнее. Прямо как Байрон.

Александр Борисович фыркнул:

– Поговори мне еще, «Байрон».

– Он прав, – сказал Щеткин. – Тросточка у тебя что надо.

– А ты вообще молчи, ренегат. И не улыбайся так широко – затылок прищемишь.

Машина мягко скользила вдоль высокого бордюра. Щеткин, сидевший за рулем, повернулся к Турецкому.

– Саня, ты легенду себе придумал?

– Нет. Соображу по ходу дела.

– Ты так в себе уверен? – удивился с заднего сиденья Плетнев.

– Поживешь с мое, тоже будешь уверен, – пробурчал Турецкий. – Ага, вот и нужный дом! Петь, тормозни здесь. Дальше я пешком пройду.

– Может, я во дворике припаркуюсь? Чего пешком-то мотаться?

– На твоём «кадиллаке» лучше не надо. Внимание привлечет.

– Да ты сноб! Ну, как хочешь. Щеткин припарковал машину к обочине. Александр Борисович щелкнул замком дверцы.

– Ладно, коллеги, я пошел. Если через час не вернусь –

стреляйте по окнам из пулемета и забрасывайте это гнездо разврата противотанковыми гранатами.

Он открыл дверцу и выбрался из машины.

– Трость забыл! – окликнул Плетнев. Александр Борисович взял протянутую трость, повернулся и, слегка прихрамывая, двинулся к дому. Вскоре он скрылся в подъезде.

– Точно второй этаж? – спросил у майора Антон Плетнев.

– Да. Вон те три окна. Видишь – с красными шторами?

– Цвет любви, – усмехнулся Плетнев. – Не хватает только красных фонарей над карнизом.

– Угу.

Щеткин достал сигарету и закурил. Плетнев некоторое время молчал, вглядываясь в зашторенные окна второго этажа, затем вздохнул и произнес в сердцах:

– Черт, надо было мне пойти.

– Почему?

– Да нехорошо как-то. Получается, что я просто «отмазался», без всякой причины.

– Ну, иди догони, – насмешливо отозвался Щеткин.

Плетнев одарил его убийственным взглядом, потом вздохнул и покачал головой.

Тем временем Александр Борисович остановился перед железной дверью, ведущей в «гнездо разврата», и нажал на кнопку звонка.

– Кто там? – послышался из-за двери мужской голос.

– Артем. Я вам звонил.

Сухо щелкнул замок, и тяжелая дверь приоткрылась. В проеме показалась круглая, коротко остриженная мужская голова. Маленькие темные глаза тщательно оглядели Турецкого. Дверь распахнулась шире, охранник встал к стене, пропуская гостя и хрипло пробасил:

– Проходите.

Турецкий вошел в холл. Охранник, рослый детина, закрыл за ним дверь. С большого красного «чип-и-дейловского» кресла поднялась пожилая мадам с ярко покрашенным лицом и двинулась навстречу Турецкому.

– Артем? – улыбнулась она, блеснув фарфоровыми зубами. – Вы всегда так пунктуальны?

– В основном, да, – ответил Турецкий, пожимая руку женщины. – Люблю точность и порядок. А где Альбина?

– Альбиночка уже ждет. Не хотите для начала принять душ?

– Спасибо, я уже принял, – сухо ответил Турецкий.

– В таком случае, я вас провожу. Идите за мной.

Они прошли по небольшому коридорчику, украшенному зеркалами, и остановились перед дубовой, застекленной матовым стеклом дверью. Женщина стукнула в дверь костяшками пальцев.

– Альбина, к тебе гость!

– Входите! – ответили из-за двери. Женщина повернулась к Турецкому и широко улыбнулась:

– Ну, тут я вас оставлю. Если захотите еще чего-нибудь – я в холле.

Александр Борисович усмехнулся:

– Чего, например?

– Ну, мало ли... Еще одну девочку. Или даже двух. Ну, или какие-нибудь *особые* услуги. Вы, я вижу, мужчина крепкий.

– Вы мне льстите. Впрочем, спасибо, если понадобятся, обращусь.

– Ну, развлекайтесь! – Женщина приветливо махнула Турецкому рукой, повернулась и направилась в холл.

Александр Борисович распахнул дверь и вошел в комнату.

Альбина сидела на диване, поджав под себя ноги, и курила сигаретку, вставленную в длинный мундштук. Это была стройная, красивая блондинка с чуть вздернутым носиком, красиво очерченными скулами и большими карими глазами. Несмотря на светлые волосы, в лице ее было что-то восточное. Одетая девушка была в красный пеньюар, пронизанный

золотыми искорками, и черные чулки.

– Так вот вы какая, Альбина, – сказал Турецкий, переступив порог комнаты. – Ну, добрый вечер!

Альбина улыбнулась Турецкому, поманила его пальцем и легонько хлопнула ладонью по дивану, приглашая его сесть рядом с собой. Александр Борисович закрыл дверь, прошел к дивану и сел рядом с девушкой.

– Хочешь выпить? – спросила Альбина. Голос у девушки был глубокий и чуть хрипловатый.

– Да нет, пожалуй, – ответил Турецкий. – Голова гудит.

– Работал до самой ночи?

– Угу, пришлось.

– Бедненький.

Альбина протянула руку и ласково погладила Турецкого по волосам.

– Так ты Артем? – спросила она.

– Угу. У тебя курить-то можно?

– Кури на здоровье. Пепельница на журнальном столике.

Александр Борисович закурил и оглядел комнату.

– А здесь уютно.

– Правда? – Альбина улыбнулась. – Мне тоже нравится. –

Она слегка прищурила глаза и задумчиво спросила: – Так, значит, ты Мишин знакомый?

– Да.

– Тоже бизнесмен?

Турецкий качнул головой:

– Нет. Я милиционер. Альбина откинула голову и весело рассмеялась.

– Шутник! – сказала она, все еще посмеиваясь. – И что, давно вы с Мишей знакомы?

– Не очень. Но успели крепко подружиться. Слушай, золотце, что ты все о нем да о нем. Давай лучше о нас.

– Ты прав. Просто я давно его не видела и немного соскучилась.

Мягкие пальцы девушки соскользнули с волос Турецкого и скользнули по его лицу.

– Смотри-ка... У тебя тени под глазами. Мало спал?

– Угадала.

– Хочешь, я тебе сделаю массаж лица? Не такой, как в салонах, а настоящий... Меня один китаец научил.

– Один из твоих клиентов? – уточнил Александр Борисович, не спуская глаз с тонко очерченного лица девушки.

– Вовсе нет. Массаж хороший, ты не думай. После этого начинаешь видеть мир по-другому.

– Слушай, давай попозже. А пока я просто посижу, переведу дух.

– Как скажешь, дорогой. Расслабься... – Пальцы девушки мягко скользнули по его щеке. – Голос у тебя интересный... Уверенный и вместе с тем нежный...

– Я долго тренировался, – пошутил Александр Борисович.

– Заметно, – улыбнулась Альбина. – Ты слишком напряжен. Может, все-таки чего-нибудь выпьешь? Вино, виски,

коньяк...

Турецкий пожал плечами:

– Ладно, раз ты настаиваешь. Водка есть?

– Конечно!

Девушка поднялась с дивана и подошла к небольшому столику, уставленному разнокалиберными бутылками.

– Тебе чистую? – не оборачиваясь, спросила она.

– Да. И не скупись.

Водка плеснула о дно широкого стакана.

Вернувшись, Альбина протянула Турецкому стакан, а сама уселась рядом, по привычке поджав под себя длинные, стройные ноги.

– Ну, будь здорова! – Александр Борисович в несколько глотков выпил водку.

– Здорово! – ахнула Альбина. – Закусить не хочешь?

Турецкий молча мотнул головой.

– Еще водки?

– Да нет, хватит пока.

– Что ж... Сними пиджак, – мягко, но настойчиво потребовала Альбина.

– Как скажешь, золотце.

Александр Борисович почувствовал, как водка мягко ударила ему в голову, поднял руку и ослабил узел на галстуке.

– Уф-ф... Аж жарко стало.

– Разденься, и будет нормально, – с улыбкой сказала Альбина, глядя Турецкого ладонью по щеке. – Рано или поздно

тебе придется это сделать.

– Я надеюсь, – усмехнулся Турецкий. Он задумчиво повертел в руках стакан и вдруг яростно произнес:

– Она считает меня неудачником.

– Кто?

– Она считает, если у нее папа – олигарх, а у меня всего три бензоколонки, так я в этой жизни ничего не стою, – с прежним остервенением произнес Александр Борисович.

– О ком ты говоришь? О своей жене?

– И еще она все время пытается вмешиваться во все. Я пашу по шестнадцать часов в сутки, света божьего за работой не вижу. А она все время... вмешивается.

– Ну, зайчик, не расстраивайся. Дело в ней, а не в тебе. Ты не неудачник. И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что неудачники ко мне не приходят.

Турецкий поднял на девушку взгляд:

– Правда?

– Да.

Тонкие, теплые руки девушки обвили вокруг шеи Турецкого. Она мягко поцеловала его в губы, даже не поцеловала, а так – мягко скользнула своими губами по его губам. Это было чертовски соблазнительно. Повинуясь инстинкту, Турецкий потянулся за губами девушки, но она отпрянула и улыбнулась:

– Не спеши. Всему свое время. Лучше расскажи мне

немного о себе. Ты работаешь вместе с Мишей?

– Миша? – Александр Борисович скептически скривил губу. – Что он может мне предложить?

– Ну, насколько я понимаю, он на своих памперсах не бедствует.

– Звучит смешно, тебе не кажется?

– Да, весело, – блеснула белоснежной полоской зубов Альбина. – На чем только люди не делают деньги! Слушай, Артем, давай включим музыку? Она поможет тебе расслабиться и забыть о проблемах.

Турецкий пожал плечами:

– Давай.

– Ты какую хочешь? Шансон или попсу?

– А джаз есть?

– О! А ты гурман. Я сейчас!

Альбина чмокнула его в губы, быстро поднялась с дивана и подошла к проигрывателю. Через полминуты из динамиков послышался низкий, хриплый голос великолепной Леди Дэй. Альбина вернулась.

– Ну? Тебе нравится?

– Очень, – ответил Александр Борисович. Девушка опустила руки Турецкому на плечи и слегка их помассировала.

– Ну вот. Ты начал расслабляться.

Альбина изящным движением сбросила с плеча лямку. Пенюар сполз с левого плеча девушки и обнажил ее грудь до самого соска. Турецкого прошиб пот.

– Подожди, – сказал он, слегка отстраняясь. – Оказывает-ся... я не могу так... Сразу представляю себе Мишку...

– Ты же сам говорил, что не хочешь о нем вспоминать.

– Как-то само в голову лезет. Представляю, как он тебя...

Альбина усмехнулась:

– Что Мишка? Он просто хорошо платит... А ты... В тебе много от человека есть. Если бы мне твой голос не понравился по телефону, ты бы сейчас здесь не сидел. И хватит разговоров.

Она нажала на какую-то педаль, и диван плавно разложился. Турецкий хотел встать, но Альбина мягко толкнула его рукой в грудь, и он упал на диван. Не успел Турецкий опомниться, как девушка оседлала его.

Но тут на прикроватной тумбочке зазвенел мобильный телефон. Альбина протянула руку и взяла мобильник. Глянула на дисплей.

– Ого! А вот и он сам! Легок на помине. Наверное, интересуется, как мы тут...

Она клацнула ногтем по кнопке и прижала телефон к уху:

– Да, Мишенька!.. Да!

С полминуты Альбина болтала по телефону о всяких пустяках.

– Очень хорошо... А что не спишь?.. Смешной!.. Когда приедешь? Нет такого числа «на днях»... А у меня тут...

Взгляды Альбины и Турецкого встретились. Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

– Нет, нет... – проговорила она, наконец, в трубку, отводя взгляд от Александра Борисовича. – Просто одиноко как-то... Нет... Нет... Хорошо. Целую и жду... Целую!

Альбина нажала на отбой, затем, секунду помедлив, совсем выключила телефон. Бросила его на тумбочку и повернулась к Турецкому. Некоторое время они молчали. Первой заговорила Альбина.

– Ну? – усмехнулась она. – Что же ты сразу не сказал, что мент?

Турецкий медленно сел на диване, Альбина примостилась рядом.

– Чего молчишь? Думаешь, я тебя сразу не раскусила?

– Ты умная, – пробормотал Турецкий. Он достал из кармана пачку «Кента», выбил одну сигарету и сунул ее в рот.

– Как ты догадалась? У меня что, на лбу написано?

– Нет. На мента ты совсем не похож. Но легенду придумал плохую. Миша меня ревнует к каждому телеграфному столбу и каждую ночь звонит, проверяет – одна я или нет. В одно и то же время. Он бы меня никому не стал рекомендовать. Для себя берег, – с холодной усмешкой добавила она. Несколько секунд помолчала, наблюдая, как Турецкий прикуривает сигарету, и сказала: – А у тебя выдержка хорошая. Ты что, копаешь под него? Зря. Он свинья всякая – ест все и всех. И тебя запросто сожрет, не поморщится.

– Что-то я не слышу в твоём голосе любви.

– Любовь? Да какая, к черту, любовь! Я его терпеть не

могу! Дай сигарету! Да нет, свою – себе еще прикуришь.

Турецкий протянул девушке дымящуюся сигарету. Она вставила ее в накрашенные губы и глубоко затянулась.

– Забавно, – проговорил Турецкий.

– Что?

– Ты о моем здоровье печешься, а про себя забываешь.

Усмешка Альбины стала еще на полградуса холоднее.

– Ого! Ты что, угрожаешь мне? Отвезешь меня в отделение? Будешь допрашивать? Или даже... пытаться?

– Чего тебя пытаться? Ты Мишу своего уже с потрохами сда-
ла. Лучше расскажи все, что про него знаешь, – хуже все равно не станет. Или тебе его жалко?

– Жалко? – Альбина презрительно скривила губу. – Этого жирного ублюдка?

– Тогда что тебя останавливает?

– Не люблю ментов.

– Ну а если я тебе скажу, что я не мент, а сотрудник частного детективного агентства? Тебе станет лучше?

– Намного. – Альбина прищурила глаза. – А ты правда частный детектив или прикидываешься?

– Правда, – ответил Турецкий, не покрывив душой. – Могу даже ксиву показать.

– Да ладно, не надо. Эх... – Она вздохнула. – Обидно. В кои-то веки встретила нормального мужчину, а ему не я нужна, а какой-то жирный подонок. Если честно, то немного о нем знаю. Мы о делах не говорим.

– Он действительно торгует памперсами?

Альбина выпустила сизую струйку табачного дыма и кивнула:

– Да. По крайней мере, где-то в Братеево у него есть склад с памперсами. И еще какая-то контора... Я уж не знаю, чем он там занимается. Я сказала: он вообще редко говорит о работе. Да почти и не говорит. Так, иногда вырвется пара слов... Но он тут же замолкает. И глазками зыркает – расслышала или нет. Я делаю вид, что не расслышала, и он успокаивается. На, докури, не хочу больше.

Альбина всучила Турецкому недокуренную сигарету. Он затянулся разок и вмял окурок в пепельницу. Поднял взгляд на девушку и сухо поинтересовался:

– Денег у него много?

– Больше, чем у мелкого спекулянта, – ответила она. – Месяц назад подарил мне кольцо с бриллиантом. Камень небольшой, но тысячи на полторы потянет. Показать?

Турецкий покачал головой:

– Не стоит. На лице Альбины снова заиграла усмешка.

– Ты у меня его конфискуешь? – иронично поинтересовалась она.

– Вряд ли. Это твой подарок, носи на здоровье. А насчет Миши... Ты больше ничего о нем не хочешь рассказать?

– Рада бы. Но я правда ничего больше не знаю.

– Ну, ладно. – Александр Борисович поднялся с дивана и взял со стула пиджак.

Альбина взяла Турецкого за руку и заглянула ему в глаза – снизу-вверх.

– Ты не хочешь остаться? – мягко спросила она.

– Нет.

– Почему?

– Я женат. Альбина выпустила его руку. Горько усмехнулась.

– Обычно мужчин это не останавливает. Видать, ты и впрямь особенный.

– Да нет, обычный. Считай, что я просто на работе. А на работе заводить романы вредно.

Александр Борисович надел пиджак и повернулся к двери.

– Ты еще придешь? – спросила Альбина.

– Вряд ли, – ответил, не оборачиваясь, Турецкий. – Ну, пока!

Он вышел из комнаты.

В холле нарядная сводня поднялась ему навстречу.

– Уже уходите? – проворковала она.

– Да.

Турецкий направился к железной двери, однако дорогу ему перегородил верзила охранник. Александр Борисович остановился и медленно оглядел верзилу с ног до головы.

– Вы забыли заплатить, – все так же нежно проворковала у него за спиной сводня. – С вас двести долларов.

Турецкий усмехнулся:

– Дороговато.

– Это наша обычная такса, – холодно сказала сводня.

– Боюсь, что я не смогу вам заплатить.

Александр Борисович хотел обойти охранника, но тот положил ему на грудь широкую ладонь и пробасил:

– Ты лучше заплати!

В глазах Турецкого полыхнули искорки бешенства.

– А то что? – поинтересовался он, глядя охраннику в глаза.

– А то...

Внезапно охранник осекся. Помедлил несколько секунд, затем убрал руку и отошел в сторону, уступая Турецкому дорогу.

– Молодец, быстро соображаешь, – похвалил его Александр Борисович.

Он направился к двери, открыл замок и вышел из квартиры.

– Ты что наделал? – слышался из-за двери визг сводни. – Почему ты его отпустил?

– Это не просто клиент, – пробасил в ответ охранник.

– А кто он, по-твоему?

Ответ верзилы, приглушенный толстой дверью, прозвучал неразборчиво.

– Ты уверен? – опять заговорила сводня.

– На все сто. Я этот взгляд знаю. Как-никак, пять лет на киче чалился. Можете мне поверить. Молите Бога, чтобы он

не вернулся, а то...

Что случится в случае возвращения Турецкого, сам Турецкий не расслышал. Он усмехнулся, вставил в рот сигарету и пробурчал себе под нос:

– Правильно понимает бродяга. Лицо Александра Борисовича было бледным. Он убрал зажигалку в карман и стал спускаться по лестнице, слегка прихрамывая и постукивая по ступенькам тростью.

– Ты можешь не свистеть?

– Нет.

– Тогда свисти что-нибудь другое.

– Тебе не нравится Джузеппе Верди?

– В твоей интерпретации нет. – Щеткин зевнул. – Слушай, я немного подремлю, а ты пока покарауль. Через час растолкай меня, и я тебя сменю.

– Думаешь, Турецкий там надолго? – иронично поинтересовался Плетнев.

– Антоша, эта девчонка за ночь зарабатывает столько, сколько мы с тобой за месяц. Турецкий, конечно, мужик сильный, но уйти от такой женщины... – Щеткин покачал головой. – Это даже ему не по зубам.

– Черт, надо было мне пойти, – уныло проговорил Плетнев.

– Раньше надо было думать. Теперь сиди, завидуй. Ладно, через час толкнешь.

Щеткин закрыл глаза, и минуту спустя дыхание его стало глубоким и ровным, он уснул. Плетнев минут десять поглазел на окна борделя, потом вздохнул и отвел взгляд. Похоже, Щеткин прав: Александр Борисович человек сильный, но и Альбина – не вокзальная путана. Перед такой не устоишь. Как жаль, что красивые женщины с юности начинают

рассматривать свою красоту не как божий дар, а как товар, который необходимо как можно выгоднее продать. И виной тому не только наше поганое время, когда главной добродетелью человека стало считаться деячество. Нет, просто так устроен мир. Испокон веку.

Ровное дыхание майора Щеткина и тишина за окном настроили Плетнева на философский лад. Он стал размышлять о превратностях судьбы, которая способна выкидывать такие коленца, о которых даже и помыслить прежде не мог. Если бы пару лет назад какой-нибудь чудака сказал боевому офицеру, спецназовцу Антону Плетневу, что он станет частным детективом, он бы рассмеялся чудаку в лицо.

Хотя, если вдуматься, дистанция между двумя этими профессиями не так уж и велика. И на боевых заданиях Плетневу не раз приходилось часами лежать в засаде в ожидании врага, затаив дыхание. Разница лишь в том, что тогда его пальцы сжимали ствол автомата, а теперь – мобильный телефон.

Да, что ни говори, а судьба способна удивлять. И все-таки жаль, что у меня нет такого богатого опыта расследований, как у Турецкого или Щеткина, с досадой подумал Антон. Всему приходится учиться на ходу. Как разговаривать с людьми, как добывать улики. На первый взгляд, наука немудреная, однако любое неосторожное действие, любое случайно брошенное слово способно свести на нет всю предыдущую работу. Вот и думай после этого – что сложнее: жать на

спусковой крючок или грамотно проводить допрос.

От размышлений о жизни Антон перешел к более абстрактным вещам. Что такое судьба? Почему все происходит именно так, как происходит? И нет ли на свете каких-нибудь параллельных миров, в которых реализуются наши неиспользованные возможности? Возможно, в каком-то из этих миров Инна не пошла за Васькой через тот проклятый пустырь, не встретила компанию отморозков и... осталась жива? Как знать, возможно, в одном из параллельных миров они по-прежнему вместе?

Размышляя о высоких материях, Антон не заметил, как задремал.

Резкий стук в окно разбудил сыщиков.

– Эй, архаровцы, вы там живы? – услышали они бодрый голос Турецкого.

Он открыл дверцу, протянул трость заспанному Плетневу и ввалился на свое сиденье.

– Вот так всегда, – насмешливо пожаловался Александр Борисович. – Одни пашут в поте лица, а другие в это время дрыхнут.

– Ну, не в твоём положении жаловаться, – заметил Плетнев, с наслаждением втягивая ноздрями тонкий аромат духов, исходящий от Турецкого.

– Смотрю, ты и впрямь заработался, – с усмешкой заметил Щеткин. – Тебе бы, Саня, душ принять. А то жена неправильно поймет.

– Что, так сильно? – Турецкий поднял бровь и, не дожидаясь ответа, понюхал рукав пиджака. – А, черт! Похоже, я влип. Кстати, ты давай трогай, – обратился он к Щеткину. – Незачем здесь отсвечивать.

Щеткин кивнул и завел машину.

– Ну, как там? – нетерпеливо спросил Плетнев, когда машина тронулась. – Как все прошло? Удалось что-нибудь узнать?

– Немного. Этот Вертайло разбрасывается деньгами направо и налево. У него, скорее всего, действительно какой-то криминальный бизнес. Петь, у тебя сигареты есть?

– В бардачке.

Александр Борисович закурил и продолжил рассказ:

– Наш грибник подарил Альбине кольцо за две тысячи баксов. Альбина считает, что у него большой бизнес. Он что-то говорил про фирму, торгующую памперсами.

– Памперсами? – не поверил своим ушам Плетнев.

Турецкий кивнул:

– Угу. Но думаю, что это не основной его бизнес. Скорей всего, просто официальное прикрытие. В любом случае, нужно установить за прапором слежку. На днях, он, возможно, появится в Москве. – Александр Борисович стряхнул с сигареты пепел и добавил: – Надо пробить все оптовые фирмы, торгующие памперсами в районе Братеево.

– Займемся этим прямо с утра? – уточнил Плетнев.

– Угу, – кивнул Александр Борисович. – А сейчас, Петь,

отвези-ка ты меня домой.

– В «Глорию»?

– Нет, домой. Хотя... давай заедем в ночной магазин и купим пол-литра.

– Может, лучше в ночной бар и по пиву? – предложил Плетнев.

Турецкий покачал головой:

– Нет. В магазин, за поллитровкой. Хочу выпить – быстро и крепко.

Плетнев был прав, когда сказал, что Ирина Генриховна не ляжет спать, пока не дожидется Турецкого. Она даже не думала ложиться. Сидела в кресле перед телевизором, смотрела какой-то фильм. «Смотрела» – это, конечно, слишком громко сказано. На экране мелькали кадры, мужчины и женщины беседовали друг с другом, соблазняли друг друга, но Ирина Генриховна абсолютно не следила за развитием сюжета, она была погружена в свои мысли.

В последние месяцы жизнь Турецких круто изменилась. Александр Борисович больше не сотрудник Генпрокуратуры. Более того – теперь он инвалид третьей группы. Что ждет их впереди? Ясно, что ничего хорошего. Ирина Генриховна слышала множество историй о бывших сыщиках, которые, оставшись без работы, быстро спивались. Раньше она не верила в эти рассказы по причине их откровенной банальности. Но то, что творилось с Александром Борисовичем в последние недели и дни, расстраивало и обескураживало ее.

Турецкий почти не спал. Три или четыре раза за ночь он поднимался и брел на кухню – курить. С утра вставал нервный, бледный, раздражительный...

Когда Ирина Генриховна открыла дверь, Турецкий стоял на пороге, хмурая брови.

– Пришел наконец-то, – устало проговорила Ирина.

– «Старику не нужен был компас, чтобы определить, где находится юго-запад. Ему достаточно было чувствовать, куда дует пассат и как надувается парус», – процитировал Турецкий.

– Опять «Старик и море»?

– Угу. Я могу войти?

– А ты хочешь?

– Точно не знаю. Но попробовать стоит.

Ирина вскинула брови:

– Что такое?.. Духи? Турецкий, ты где шлялся?

– Да заехал по пути в один публичный дом.

– Фу, а я-то уж испугалась. Думала – ограбил парфюмерный магазин. И как в публичном доме?

– Да так, ничего интересного. Бордель как бордель. А ты почему не спишь?

– Да так, гостя принимала. Только что ушел.

– Что за гость?

– Один знакомый. Ничего особенного – брюнет, рост метр девяносто, физиономия и бицепсы, как у Сильвестра Сталлоне.

– О! Что ж он меня не дождался? Познакомились бы.

– Только после того, как свозишь меня в свой публичный дом.

Александр Борисович виновато улыбнулся:

– Ну прости, золотце. Я... был не прав... Я глупый, злобный грубиян. Я был, как лошадь в шорах... Ничего не ви-

дел... Только дорога... Нет, не то... Слишком красиво...

Ирина молча взяла Турецкого за пиджак и втянула в прихожую, продолжая в упор смотреть на него.

– Я всем вокруг порчу жизнь, – продолжал бурчать Александр Борисович. – Навязываю свои правила игры... – Он угрюмо мотнул головой. – Нет, не то... Я тебе жизнь сломал... И продолжаю в том же духе...

Ирина сняла с него пиджак.

– Мне один старик сказал, что надо идти наверх... – сбивчиво бубнил Александр Борисович. Он меня у себя в голове нарисовал... И картину подарил... Представляешь... Или мне это приснилось... Нет не приснилось... А ты... ходишь тут одна... занимаешься расследованиями...

– Сколько ж ты выпил, горе мое? – поинтересовалась Ирина.

– Я... почти не пил... Так, бутылка водки... Разве это пить?

– По какому поводу, позволь узнать?

– А разве нужен повод для любви? Разве нужен повод для счастья?

– Н-да, – усмехнулась Ирина. – Судя по тому, как сильно ты поглупел со вчерашнего вечера, одной бутылкой тут не обошлось. Иди в спальню, алкоголик. Сам-то дойдешь? Или довести?

– Обижаешь, – усмехнулся Турецкий, трясая ногой, чтобы сбросить ботинок. – А хочешь, я донесу тебя до постели на

руках? Как... в былые времена? Хочешь, а?

– Ты себя донеси, горе луковое. А я уж как-нибудь дойду.

– Такая самостоятельная, – усмехнулся Турецкий. – И я тебе совсем не нужен...

– В таком виде нет. Кстати, где твоя трость?

– Трость? – Александр Борисович наморщил лоб. – Трость, трость... Не знаю. У Щеткина оставил, в машине. Или... у Альбины? Нет, у Альбины не оставлял...

– Пора замолчать, Турецкий, – сказала Ирина.

– Правда? Да, ты права... – Александр Борисович посмотрел на себя в зеркало и поморщился. – Ну и рожа. Нервный... больной... С отвратительным характером... неудачник. И кому я такой нужен?

– Может, хватит заниматься самобичеванием? Турецкий повернулся к жене.

– Слушай, – сказал он вдруг, – а давай разведемся? В самом деле, на фиг я тебе такой сдался?

– Ну, хватит болтать, – строго сказала Ирина. Она взяла Турецкого за руку и повела его в спальню, а он послушно, как ребенок, побрел за ней, пошатываясь и бурча по пути:

– Никто меня не слушает... Черт знает что такое... Уйду... Пойду чиновником в ведомство... бумажки перекладывать...

– Пойдешь, пойдешь, – улыбалась Ирина. – Но сначала спать. Завтра у тебя много работы.

– Какой работы?... Я безработный...

– Ты сыщик. И всегда им будешь.

Турецкий вдруг остановился, развернул жену и обхватил ее щеки ладонями. Долго смотрел ей в глаза, а потом тихо произнес:

– Интересно, это будет очень смешно, если я скажу, что люблю тебя?

– Конечно.

– Ну, тогда я лучше промолчу.

Турецкий привлек жену к себе и крепко ее поцеловал.

Вертайло был одет в джинсы и светлую рубашку. Его слегка одутловатое лицо было гладко выбрито. Сейчас он ничем не напоминал того деревенского пьяницу, которого Щеткин встретил в Красном Быте.

На левом запястье бывшего прапора поблескивали дорогие часы. На шее красовалась массивная золотая цепочка.

Оперативник «водил» Вертайло по городу уже больше полутора часов. Маршрут бывшего прапорщика не отличался оригинальностью. Сначала он зашел в кафе и плотно пообедал. Затем направился в ближайший сквер, сел на скамейку и закурил. Полчаса он сидел в сквере, покуривая сигарету за сигаретой и разглядывая проходящих мимо девушек. Вдоволь накурившись, он глянул на часы и быстро поднялся со скамейки.

Следующим пунктом дневного маршрута Михаила Михайловича Вертайло стал пивной бар неподалеку от метро «Савеловская».

Здесь Вертайло сел за небольшой столик, утопленный в каменной нише. Минут пятнадцать он сидел за столиком в одиночестве, потягивал из высокого бокала темное пиво, небрежно, но цепко поглядывая по сторонам. Затем к столику подошел молодой человек. Поздоровавшись с Вертайло, парень уселся за столик. Вертайло что-то с усмешкой сказал

ему, парень в ответ нахмурился. Было видно, что молодой человек настроен весьма серьезно и не собирается шутить. Было в его загорелом лице что-то упрямое, можно даже сказать, упертое. Глубоко посаженные глаза молодого человека смотрели на Вертайло спокойным, но недобрым взглядом.

Молодой человек заказал себе стакан апельсинового сока. Потягивая сок через соломинку, он стал что-то спокойно рассказывать Вертайло. Тот слушал внимательно, чуть склонив голову набок и глядя на парня немигающими глазами. Изредка вставлял какие-то замечания, на что молодой человек, сохраняя спокойствие и невозмутимость, кивал.

Оперативник пытался вслушаться в разговор, но и молодой человек, и Вертайло говорили очень тихо.

– Дорогие друзья! – взревел вдруг со сцены обезображенный усилителем голос ведущего. – Мы начинаем концертную программу «Для вас и только для вас»! Позвольте вам представить нашу группу...

Ведущий взмахнул рукой в сторону нескольких молодых людей с гитарами, стоящих на сцене, и доверительно сообщил, что группа называется «Пивные раки» и что музыку, которую она играет, нельзя отнести ни к одному из известных музыкальных стилей.

Вскоре оперативнику Диме Власову представилась возможность убедиться в правоте его слов. Музыка сотрясла не только хлипкие динамики колонок, но и стены бара. Минут пять парни на сцене завывали дикими голосами. Затем со-

лист громко брякнул по струнам гитары, и песня, к облегчению публики, закончилась.

Между тем Вертайло и его собеседник продолжали горячо что-то обсуждать. После окончания песни молодой человек по инерции продолжил говорить громко, и оперативнику удалось разобрать пару слов. Эти слова заставили оперативника еще сильнее напрячь слух. Однако новый аккорд музыки заглушил окончание фразы.

Разговор, перемежаемый музыкальными номерами «Пивных раков», продолжался еще минут двадцать. Как ни напрягал слух оперативник, но разобрать ему удалось немного. Однако и того, что он услышал, хватило, чтобы оценить всю серьезность ситуации.

Вскоре молодой человек поднялся из-за стола, пожал бывшему прапорщику руку и неспешной походкой направился к выходу. Оперативник быстро расплатился и пошел за ним.

Выйдя на улицу, Власов достал телефон, нажал на кнопку быстрого вызова и проговорил в трубку:

– Вить, Вертайло в баре. Бери его на себя, а я пойду за парнем.

6

– Сегодня, в семь часов вечера Вертайло встретился в пивном баре неподалеку от метро «Савеловская» с молодым парнем. Они беседовали около часа. Я сфотографировал парня на мобильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.